

ЗАРУБЕЖНАЯ ФИЛОСОФИЯ: ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 1(091):172.4

DOI: 10.26456/vtphilos/2023.1.183

ВОДА И МИР. БЫЛ ЛИ НАИВЕН ФАЛЕС?

О.А. Матвейчев

ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ», г. Москва

Знаменитый тезис Фалеса о том, что всё есть вода, известен нам через Аристотеля, давшему ему интерпретацию, благодаря которой Милетец предстал перед потомками довольно простодушным мыслителем. Автор настаивает, что восстановление интенций ранних греческих философов возможно лишь при условии вынесения за скобки вульгарных трактовок их наследия, исходящих из априорной установки на примитивизм греков. Фалес, рассуждающий о воде как первоэлементе, имеет в виду не эмпирическую воду. Известная нам вода есть отражение воды сущностной, как «фюсис» всего сущего – внутреннего закона, внутреннего роста, механизма появления и развертывания вещи. Вода в учении Фалеса концептуально связана с целой системой верований, примет, сказаний, укорененных в древней индоевропейской традиции, носители которой использовали те же метафоры (за неимением разработанной философской терминологии) для объяснения природных закономерностей.

Ключевые слова: история философии, мифология, религия, архэ, мифология воды, Древняя Греция, Гиперборея, индоевропейцы, Фалес.

Долгие годы ученые не могли найти окончательного ответа на вопрос, а не является ли знаменитая сентенция Фалеса о воде позднейшей фальсификацией Аристотеля, желавшего подогнать учение ионийца под свои умозрительные схемы, показать его наивным предшественником своего учения о четырех началах (ἀρχαί) бытия – материальном, формальном, движущем, целевом. Позже обвинение в фальсификации с Аристотеля было снято. Как показал Андреас Патцер, источником для Аристотеля о Фалесе был знаменитый софист Гипсий из Элиды [34].

Однако в любом случае, по словам Стагирита, Фалес полагал началом всего воду именно как *материальное* начало – «то, из чего состоят все вещи, из чего как первого они возникают и во что как в последнее они, погибая, превращаются, причем сущность хотя и остается, но изменяется в своих проявлениях» (Met. I 3, 983b) [2, с. 71].

В интерпретации Аристотеля, таким образом, Фалес предстает мыслителем, полагающим, что все на свете состоит из воды как физической субстанции, той самой, которую мы пьем, омываем руки, которую мы наблюдаем в реках и морях, которая льется с неба в виде дождя и т. д. Ста-

гирит пытается реконструировать ход мысли Милетца, приведший его к столь странному выводу: «к этому предположению он, быть может, пришел, видя, что пища всех существ влажная и что само тепло возникает из влаги и ею живет (а то, из чего все возникает, – это и есть начало всего). Таким образом, он именно поэтому пришел к своему предположению, равно как потому, что семена всего по природе влажны, а начало природы влажного – вода» (Met. I 3, 983b) [2, с. 71]. Действительно, в сознании земледельца, глубоко уходящем в мифологию, гроза (дождь и молния) рассматриваются по аналогии с сакральным половым актом, в котором Небо – это мужское начало, а Земля – женское. Вода же аналогична семени, от которого Земля потом родит.

Ключевые слова у Аристотеля здесь: «быть может», ἵσως; Философ выражается осторожно, не утверждая, что он воспроизводит рассуждения Фалеса достоверно. И вскоре даже признается, что опирается на вторичные источники (Met. I 3, 984a). Однако позднейшими философами гипотетический характер предположения Аристотеля был проигнорирован, и оно было принято как фактическое обстояние дел.

Американский историк А. Фельдман объяснял интерес Фалеса к водной стихии огромной ролью моря в общественной жизни Милета с его крупнейшим в Малой Азии портом и спортивными праздниками в честь Посейдона. Каждый милетец знал, что именно вода, которая сама по себе ничего не стоит, является источником всех богатств – соли, золота, рыбы, пурпура. Сама сущность воды воспринималась как способность соединять людей – благодаря торговле, общим религиозным обрядам и т. п. Фалес даже призывал к созданию братского ионического союза под защитой Посейдона, который бы противостоял беспокойным персам. Фельдман заключает, что именно социальное значение воды во времена Фалеса научило его «видеть в скобяных изделиях и галантерейных товарах, в почве и сперме, крови, поте и слезах одну фундаментальную жидкую субстанцию – воду, самое обычное и самое могучее вещество» [31, р. 6].

Социологическое объяснение решения Фалеса назначить всё водой картины, однако, не меняет. Все равно Милетец предстает довольно простодушным мыслителем, оспаривающим очевидные вещи. «Посмотрите на него! Всё у него из воды! Что, даже эта глиняная чаша или вот этот железный нож? А не перебрал ли ты вина?».

Неудивительно, что в поздней античной традиции Фалеса любили изображать персонажем едва ли не комическим – при всей его многомудрости. Неотмирность его занятий подчеркивали анекдоты о Фалесе, который вышел созерцать звезды, да забыл взглянуть под ноги и упал в колодезь – к вящему удовольствию окружающих. Аристофаном, как замечает А.В. Лебедев, даже само имя Фалес употребляется в качестве нарицательного: «применительно к Сократу в “Облаках” (ст. 180: “Так что же мы удивляемся тому Фалесу?”) и Метону в “Птицах” (ст. 1009: “Ну сущий Фалес”) как реакция обыденного сознания на экстраординарную ученость» [26, с. 107].

Склонность выставлять греков наивными и примитивными просто в силу того, что именно им выпало стать первопроходцами в самых разных областях знания и именовать прежде неизвестные вещи, известна давно. «Подумать только, – иронично восклицает Анатолий Беляков, – сколько глупостей пришлось бы нам теперь говорить, если бы древние не сказали их раньше нас! Как знать, быть может, работа философа в том и состоит, чтобы вовремя высказать накопившиеся глупости?» [5, с. 27]. Но в самом ли деле греки были так уж наивны? Был ли наивен Фалес?

Восстановление интенций ранних греческих философов возможно лишь при условии вынесения за скобки вульгарных трактовок их наследия, исходящих из априорной установки на примитивизм греков. Безусловно, мы не первые спорим с такой установкой. Достаточно указать на огромную работу в этом направлении в немецкой философии начиная с Гельдерлина и вплоть до Хайдеггера. Импульс последнего был воспринят потом и французскими постмодернистами. Однако доказательствами величия греков являются ссылки на то, что «начало всегда труднее всего», что «подвиг первооткрывателей это не примитивизм, а настоящий подвиг», что «основопонятия греков являются фундаментом, на котором европейская философия строит свое здание». Далекое не для всех подобного рода дифирамбы являются убедительными. «Быть первым» и «сделать самое трудное» – понятия не эквивалентные. Да и были ли греки первыми? Мы хотим оспорить тезис о примитивизме греков буквально: они не примитивные в том числе и потому, что не первые. За их спиной стояла огромная индоевропейская традиция.

Следует критически отнестись к восходящей к Э. Целлеру и Г.В.Ф. Гегелю идее о самозарождении философии у древних греков¹, нашедшей воплощение в знаменитой формуле Э. Ренана о «греческом чуде» [23, с. 33–34]. А также к тезису об эволюции греческой культуры «от мифа к логосу»², т. е. от фантастических представлений к вопросам о первопричинах и взаимосвязи явлений, наиболее уверенно отстаивавшемуся Дж. Бёрнетом³.

Идею Бёрнета, что философия появилась из протонаучных наблюдений за природой, сочли наивной уже многие его современники, в част-

---

¹ Целлер радикализует гегелевскую идею о том, что в собственном смысле философия появилась именно в Древней Элладе [9, с. 144, 146]. Сам Гегель, однако, признает, что «субстанциальные зачатки своей религии, своей образованности, своих общественных связей <греки> в большей или меньшей степени получили из Азии, Сирии и Египта», оговариваясь, что «они столь радикально вытравили печать этого чуждого происхождения, столь преобразовали, переработали, сделали другим полученное ими извне, что то, что и они, и мы ценим, признаем, любим в этом полученном ими извне, принадлежит по существу лишь им» [9, с. 186].

² Формулировка В. Нестле.

³ О дискуссиях относительно основных концепций генезиса древнегреческой философии см. [17].

ности, Ф. Корнфорд, доказывавший в книге «От религии к философии» (1912), что философия не возникает как совершенно новое явление, но естественно и постепенно вырастает из религиозного сознания. Те же утверждения Фалеса о том, что «архэ всего – вода» и что «все полно богов», по словам Корнфорда, «не есть те результаты, к которым с самого начала может прийти наш воображаемый философ, сидящий наедине с самим собой и с чувственным миром. ... Здесь, в этом самом первом высказывании философии, мы сразу же сталкиваемся с концепциями, имевшими долгую историю как религиозные представления еще до того, как началась философия» [30, р. 4]. Корнфорд убежден, что индивидуальный интеллект не способен привнести в философию какие бы то ни было новые концепции: философия – это «продукт коллективной ментальности», «анализ религиозного материала» [30, р. 127, 125], уходящего корнями в древнейшие пласты человеческой истории.

Фалес, рассуждающий о воде как первоэлементе, имеет в виду не эмпирическую воду, не то, что наука Нового времени называет H₂O. Водой здесь названа сама сущность водянистости: бесформенность, рецептивность, текучесть, проницаемость, способность растворять другие вещества, самотождественность при смене агрегатных состояний и т. д. Вода принимает любую форму, идеально формируется, впитывает информацию и носит ее. Разве не на этом убеждении основаны всевозможные древние магические «заговоры на воду»? А обычные праздничные тосты? А чтение молитв над вином во время таинства Евхаристии? Слова как заклинания произносятся над жидкостью, чтоб она «запомнила» их, видоизменилась, а затем человек, приняв жидкость, впитывает и информацию, произнесенную над чашей. Именно эти мифологические построения спустя 25 веков воспроизводят с опорой на научные термины популярные паранаучные фильмы типа «Тайна воды», которые легко можно найти в сети Интернет.

В этом смысле даже ковкость железа понимается как «водное» качество. Лед тоже кажется твердым, но он есть вода в сущности. Мы можем считать твердым и бронзовый или железный нож, но кузнец легко докажет вам, что он текуч при нужной температуре. О том, что «все течет» при воздействии температур и/или давления, знали древние металлурги. А металлургия – сущностный атрибут возникновения и распространения всей индоевропейской цивилизации. Науке хорошо известен так называемый «сейминско-турбинский феномен». Этот культурный феномен, включающий себя тонкостенное бронзовое литье и использование оловянистой бронзы, был распространен на территории Северной Евразии от Монголии до Финляндии (с истоком в Алтае) в 2200–1600 гг. до н. э. С севера Евразии эта техника работы с бронзой (только на несколько столетий позже!!!) была воспринята микенцами, а точнее, привнесена на территорию Греции вторгшимися туда микенскими племенами. Генетически греки не индоевропейцы, однако говорят на индоевропейском языке и, очевидно, принадлежат к индоевропейскому культурному ареалу. Это получилось в резуль-

тате распространения индоевропейцев со своей исторической прародины (палеогенетики сейчас указывают на самую древнюю стоянку Мальта, недалеко от Байкала, датируемую приблизительно 25 тыс. до н. э., где найдена самая древняя мутация в Y-хромосоме R1a).

Известная нам вода есть отражение воды сущностной, как *фюсис* (φύσις) всего сущего – внутреннего закона, внутреннего роста, пути появления и развертывания вещи.

Слово фюсис (φύσις), согласно самой распространенной этимологической гипотезе, восходит к праиндоевропейскому *bhu-* и связывает его с такими словами, как английское «be» и отечественное «быть» со всеми производными. М. Хайдеггер, в свою очередь, считал, что здесь родственный корень φάινω – светить; показывать, являть. Однако такое «явление»-фюсис вовсе не «явление» в смысле более позднем, в противоположность «сущности», выход, рост (!) из сокрытости в несокрытость-истину, и таким «явлением-феноменом» и занимается фундаментальная феноменология.

Можно сформулировать и другую гипотезу, учитывая постоянное чередование Ф и П в индоевропейских языках. Тогда φύσις будет родственно корню *pass* – проход, переход, передача. Этот же корень *pas, pus, pis, пиз, пич, пих* и проч. во множестве индоевропейских языков означает «причинное место». Стоит ли удивляться, что латиняне, издревле контактировавшие с греками, перевели φύσις, которая «любит скрываться» – по свидетельству Гераклита, как *natura* (а славянская калька – природа)? Это, конечно, позже вызвало неудовольствие Хайдеггера, но древним, скорее всего, было виднее. Также в индоевропейских языках С часто, как, кстати, и в диалектах греческого, меняется на Т, и, таким образом, слово фюсис родственно слову «путь». Мы видим, что и смысл всех названных слов весьма схож, и он фиксирует некую текучесть (!) и движение. Попутно заметим, что на другом конце Евразии китайские мудрецы исследовали ДАО, который тоже обычно переводят как «путь». И это не случайно, а связано с широкой культурной экспансией индоевропейцев по всему периметру проживания. К. Ясперс, и не он один, удивился схожести проблематики философов на разных концах Земли, назвал этот феномен «осевым временем цивилизации», но не мог объяснить. А ларчик открывается просто: у разных отростков в разных концах ойкумены была общая индоевропейская луковица.

Фюсис, откуда все рождается, промедляет и гибнет, согласно Анаксимандру, постигает и Анаксимен, видящий его, в свою очередь, не в воде, а в метафорическом воздухе. И вода, и воздух в учениях милетцев концептуально связаны с целой системой верований, примет, сказаний, укорененных в древней традиции, носители которой использовали те же метафоры (за неимением разработанной философской терминологии) для объяснения природных закономерностей.

Насчет того, что Фалес наследует какой-то древней культурной традиции, еще в период Античности имелось немало мнений. По утверждению

Геродота (I 170) и Демокрита (D. L. I 22), Фалес был финикийцем. Впрочем, свидетельству этому не стоит доверять безоговорочно, учитывая греческую тенденцию наделять своих философов иностранным происхождением, очевидно, с тем чтобы подчеркнуть их укорененность в более древней традиции, что выдает особую почетность этого «иностранного происхождения», а также отрицает мнение греков о себе как об основоположниках и новаторах.

Многие авторы были убеждены в том, что Фалес почерпнул свои убеждения в Египте, где он общался со жрецами. В частности, по мнению Плутарха, египетское происхождение имеет идея о воде как первоначале сущего, высказываемая, помимо Фалеса, также и Гомером (II. XIV 246). По мысли Херонейца, это доказывает, что египетской мудрости приобщился и автор «Илиады» (De Isid. 34) [21, с. 32].

О «философской экспедиции» Фалеса в Египет сообщают также Диоген Лаэртский (I 27), Прокл (In Eucl. 65, 3-11), Иосиф Флавий (С. Ар. I 2), Симпликий (In De Caelo 522, 14). А согласно Ямвлиху, Фалес не только посетил Египет, но и побудил к тому и Пифагора, «ибо у них он сам получил то, за что большинство людей считало его мудрым» (V. Pythag. 12) [28, с. 29]. Этому же мнению придерживается и наш А.В. Лебедев в известной статье «Демиург у Фалеса?» [14].

Гипотезу о египетском влиянии на учение Фалеса можно признать спорной, особенно если учитывать политическую составляющую этого вопроса. На это указывает, например, тот же Э. Целлер, напоминая, что еще во времена Геродота египтяне пытались внушить эллинам, что вся как есть греческая философия ведет начало именно из Египта [27, с. 31].

Существовала также версия, что Фалес (равно как Ферекид и Пифагор) перенял свои мысли у халдеев (Jos. Flav. С. Ар. I 2). А. Фельдман находит ее несостоятельной: в вавилонской религии вода является безжизненной и бесплодной до тех пор, пока на нее не воздействует бог; Фалес же, напротив, провозглашает саму воду божественной и созидательной [31, р. 4]. То есть перед нами две противоречащих друг другу концепции.

Однако если учесть, что и Иран, и Палестина, и Египет подверглись экспансии индоевропейцев уже в начале II тыс. до н. э., которые привнесли новые знания и культуры, философские и религиозные идеи, технику и проч., то нет ничего удивительного, что какие-то из идей могли быть взяты греками и из Египта, и из Халдеи, и из Финикии. Возьмем самый «дальний» вариант. Ученые до сих пор спорят, кто были гиксосы, захватившие часть Египта в XVIII в. до н. э. Есть две версии. Либо непосредственно индоевропейцы, либо семитские племена, перенявшие боевую технику у индоевропейцев. Почему? Хотя бы потому, что гиксосы (правители чужих земель в переводе с египетского) использовали колесницы. Это «фирменный знак» индоевропейцев, который есть везде, где они появляются: хоть в Китае, хоть в Индии, хоть на Балканах... Самые древние на сегодняшний момент колесницы найдены на Урале и принадлежат Синташтинской культуре, которая, в свою очередь, по данным палеогенетиков, была индо-

европейской (гаплогруппа R1a). Кроме того, как установили филологи, слова, означающие коня, колесницу и детали колесницы в других языках имеют индоевропейское происхождение [19, с. 113–121].

Далее, знаменитая XVIII династия Нового царства, изгнавшая гиксосов, к которой принадлежат и все Тутмосы, и Эхнатон, и Хатшепсут, и Нефертити, правившая Египтом с XVI по XIII вв. до н. э., по данным палеогенетиков, принадлежит гаплогруппе R1b, чья прародина также находится в Сибири и Евразии, и которая пришла с Севера через Кавказ и Центральную Азию в Африку, естественно, перенеся с собой культуру.

Во вторжении индоевропейцев в Ханаан есть не только генетические, но и письменные свидетельства. Это и определенные фрагменты Ветхого завета, и книга Еноха [19, с. 329–346].

Таким образом, влияние на учение ранних греческих философов религиозной и метафизической традиции индоевропейских народов могло быть самым многообразным. И следует помнить о том, что вторжениям индоевропейцев и сам средиземноморский регион подвергся в течение II – начала I тысячелетий до н. э.⁴ Успеху индоевропейских завоевателей способствовали металлургические достижения, новые структуры социальных отношений, а также генные мутации, позволившие организму усваивать лактозу и таким образом получать дополнительную энергию и силу [33]. Но, вероятно, в первую очередь все же это приручение коней и изобретение боевых колесниц, которые стало настоящей революцией в военном деле Древнего мира [29]. Доместикация коней индоевропейскими народами произошла в южнорусских степях в IV тысячелетии до н. э. [13, с. 42] либо даже в первой половине V тысячелетия до н. э. [10, с. 30–31]. При этом, по данным журнала Nature, **все** современные лошади являются потомками лошадей, одомашненных в черноморских и каспийских степях между Доном и Волгой в конце IV – начале III в. до н. э. [32]. В эпосах многих народов сохранились предания о завоевателях, ворвавшихся в их земли на колесницах.

Завоеватели дали прото-грекам (до-индоевропейским грекам) язык, индоевропейскую религию, космогонию и модели мышления. Укорененность ионийских мыслителей в древнюю «северную» традицию демонстрирует глубокая интеграция в их учения различных концептов, относящихся к индоевропейскому мировоззрению. В том числе мифологемы воды, древнейшего индоевропейского архетипа, и по сию пору обнаруживаемого в верованиях, фольклоре и космологии самых разных евразийских народов.

В древнейшем ведийском документе «Ригведы» говорится о происхождении мира из ничего:

Не было не-сущего, и не было сущего тогда.

Не было ни воздушного пространства, ни неба над ним.

---

⁴ Этот тезис доказывается в т. ч. в статьях «К вопросу об индоевропейской основе ранней греческой философии» [16] и «Аким Вольнский, еврейский Аполлон, опередивший время» [15], а также в книге «Гиперборея: приключения идеи» [6].

*Что двигалось туда и сюда? Где? Под чьей защитой?
Что за вода была – глубокая бездна?
(X 129, 1) [25, с. 286].*

Важным представляется тот факт, что во времена, когда еще не было ничего: ни земли, ни неба, ни смерти, ни времени – уже существовала вода, выступающая здесь аллегорией первобытного хаоса, «неразличимой пучины». Этот мотив («Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою») веками позже появится в первой Книге Моисея – с той существенной разницей, что возникновение мира в Ведах не предполагало участия Бога-творца.

Изначальная Вода содержала жизнедеятельное начало – Нечто Одно, порожденное силой жара (РВ X 129, 1). От него и произошло Всё Остальное. Порождая сущее, Вода – мировой океан – ревет, и из него исторгаются реки, его супруги. Бог мировых вод – Варуна, он одновременно олицетворяет как разрушительные силы океана, так и богатство, которое приносит живительная вода. Уже здесь проявляется амбивалентность мифологемы воды, которая будет сопутствовать ей во всех религиях и системах народных верований. Нередко она воплощалась в супружеской чете водных божеств, если быть точным – титанов, например, у Гомера, в боге Океане и в богине Тефиде, отце и матери всех богов (II. XIV 201).

Согласно космологии Гомера, Океан находился у самых отдаленных пределов земли (II. XIV 200), окружая всю землю, он был источником всех морей, рек, ключей и колодцев (II. XXI 195-197). «О том, что Океан существовал раньше земли и небес и был началом всех вещей, не говорится, – замечает Гатри, – но Гомер не интересовался космогонией и, вероятно, брал из более ранних мифов только то, что желал» [8, с. 158].

Схожий мотив находим в «Голубиной книге», сборнике восточнославянских духовных стихов:

*Окиян море всем морям мати.
Почему ж Окиян море всем морям мати?
Обкинуло то море вокруг землю всю,
Во нем Окияне во мори пуп морской
[12, с. 288–289].*

Нужно заметить, что и у Гомера, и в «Голубиной книге», и во всех подобных источниках океан охватывает землю не кольцом, а именно вокруг, в том числе и сверху, ведь и небо воспринималось древними как то же море, стихия водная.

Четыре гимна «Ригведы» (VII 47, 49; X 9, 30) посвящены космическим водам, называемым Апас. Это слово восходит к праиндоевропейскому корню *āp-*, означающему воду. Это реки-богини, они очищают и исцеляют, сами притекая на жертвоприношение, русло им прокладывает Индра, идя впереди вод. В Апас живет Варуна. Правит ими солнечный Савитар, эпитетом которого является Апам Напат («сын вод»). По легенде, Апам Напат трижды вошел в сокровенный источник, и из того излились три потока,

устремившись к морю. В Иране есть свой Апам Напат, дух воды. Как и ведийский, он почитается как создатель человеческого рода. Аналоги им существуют также в римском пантеоне (Нептун) и в кельтской мифологии (Нехтан). Образы указанных богов восходят к индоевропейскому мифу о божестве по имени Нер(о)t (букв. «племянник», уравниваемый в правах с сыном) [11, с. 531]. Их неизменный атрибут – трезубец, символизирующий три реки, стремящиеся к морю. Напомним, что тройственные членения в мифологии, социальной жизни и т. п., согласно Ж. Дюмезилю, являются определяющей характеристикой индоевропейских культур.

По утверждению В.В. Иванова и В.Н. Топорова, в круг данных богов можно включить и греческого Посейдона, отождествляемого с Нептуном. «Связь Посейдона с нижним миром (ср. устраиваемые им землетрясения, приносимые ему черные жертвы и т. п.) заставляет обратить внимание на возможность интерпретации этого имени как “господин вод” (ср. индоевропейское *poti-d/h/on* со звуковым отражением, указывающим, возможно, на индоевропейский характер имени). Если такая интерпретация верна, то элемент **d/h/on*, “вода”, “источник”, “течь” может быть связан с др.-инд. *Danu* (Дану, букв. “поток”), женское водное божество, мать противника громовержца Вритры или семи змей, убиваемых громовержцем; с авест. *danu*, “поток” (ср. названия южных рек Восточной Европы типа Дон, Днепр, Днестр, Дунай, река Ардон в Осетии), осет. *Donbettyr*, Донбеттыр, владыка водного царства, а также с мифологизированными образами рек в славянской и балтийской традициях (ср. рус. Дунай, литов. *Dunojaus* и т. д.); этот же корень (в несколько отличном звуковом варианте *dhon-*) выступает в мифологизированном виде в лат. *fons*, “источник” (в т. ч. обожествляемый), *fontinalla* как обозначение праздника, совершаемого перед *Porta Fontinalis* (“ворота источника”)) [11, с. 531]. Корень «дон» некоторые слышат и в названии реки Иордан и переводят как Яр-Дон, «солнечная вода», напоминая о индоевропейском влиянии и на религию Малой Азии и Палестины.

Интересно, что собственное имя Дунай иногда используется и как нарицательное для всяких больших и малых рек; примеры можно видеть в галицких и польских песнях: «За реками за дунаями» [4, с. 593]. Дунай, равно как Днепр, Западный и Южный Буг у славян, Рейн у немцев, Ганг у индийцев, признавался божеством. «Название Буг есть только особая форма слова бог, и в статейном списке XVII века вместо “Буг-река” встречаем с формой: “Бог-река”» [4, с. 594].

Погружение в этимологию дает нам еще много интересного. Само слово вода в древнегреческом – *ῥῆδωρ* (хюдор или гюдор, так как тут мы видим фрикативную Г, недаром в русском это часто транскрибируется как «гидро»). В индоевропейских языках Г часто меняется на Ж, в русском языке он слышится в слове «жидкость». Слово *ῥῆδωρ* имеет значение «текущий, ВЕДУщий». Последнее значение, например, есть в слове «гид». Согласно распространенной этимологической гипотезе, французское *guide* «гид, проводник», итальянское *guida* и др. происходят от готской праосно-

вы. Однако есть и другая гипотеза. В русинском языке слово гайдар означает «пастух», т. е. собственно «ведущий», а в некоторых тюркских имеет значение «отвечающий на вопрос куда». Знаменитый писатель А. Гайдар взял себе такой псевдоним и переводил его как «вперед смотрящий». Готы вряд ли добирались до Хакасии, так же как и тюрки до Франции и Италии, а вот предположить, что корень имеет не тюркское и готское происхождение, а общее индоевропейское, мы можем. Итак, *ǵd̥or* вполне может иметь одно из значений «ведущий». Но в славянском слове «вода» этот корень совсем на поверхности! Корень «вод/вед» есть в славянской «воде». Более того, это очень богатый корень, кроме ведЕния, он наличествует и в словах вЕдение и вИдение, ибо ведет тот, кто видит, и тот, кто ведает. Все три смысла зафиксированы в названии собрания индуистских текстов – «Ве-ды». В свою очередь, оглушение Д дает нам корень ВТ, который есть во многих индоевропейских языках, например, в русском приВЕТ, отВЕТ, соВЕТ, а также «весть». Однокоренным является и слово «ветер», который в индоевропейской мифологии более важен, чем солнце и луна (вспомним пушкинское «ветер-ветер, ты могуч...»), и воплощает собой мировую душу, мировое дыхание. Индуистский бог Вата – бог ветра. В целом в индоевропейских языках корень *wet, wit* означает «речь, информацию», как у нас «весть». Фольклорные исследования говорят нам, что в индоевропейской мифологии мир воспринимался не как набор материальных предметов, а как информационные и энергетические вибрации. На Руси существовали даже сборники природных наблюдений – «ветровники», куда жрецы и волхвы заносили результаты слежки за «мировым дыханием и пульсом». Т и С часто меняются на шипящие Ч, Ш и Щ. И таким образом из ВЕТ возникают однокоренные слова «вече» (совещание), «вечность» (которая в свое время видимо, означала «незыблемую договоренность», закон в результате вечевого решения», век, человек – однокоренные слова), слово «вещь» (как предмет внимания или обсуждения, а не как материальный объект), украинское слово вочи (русское – очи, английское – *watch* со значением «видеть»). Аналогичное значение в украинском – ба-чить. Мы видим изменение В на Б (можно по аналогии предположить, что и слово «отец», тот, от кого *ведется* род, где корнем является «от», а «ец») это просто обозначение множественного числа, в данном случае уважительного, на Вы, тоже первоначально было корнем «вот», что косвенно подтверждается синонимом «батьа», где В заменено на Б. Многие индоевропейские языки часто меняют В на Б, а греческий или испанский вообще не знают такого различия. Таким образом, корень ВТ превращается в корень БТ, а здесь уже и главное философское слово – «бытие» (в том числе в будущем времени и однокоренное слову «будить», откуда прозвище учителя Будды – «пробужденный, просветленный»). Здесь же значение «бить» – ударять, относящееся и к удару молнии Перуна, и к ударению в речевом аппарате, который делает возможным членораздельную речь. Ударение – «чет и нечет» – делает возможной и двоичную систему передачи любой

информации, которая такая важна для современного цифрового мира [10]. Возвращаясь к «ветрам» и учитывая замены В на Б, а Т на С, можно получить слово «бес» и вспомнить, как связаны представления о бесах с ветрами и выюгами (см. стихотворение Пушкина «Метель»). Отрицательное значение – «нечистая сила» и «пережиток язычества» – бесы получили после принятия христианства, а в дохристианской картине мира они означали кванты и биты энергии или информации, поскольку и ветра, и вода имеют не только волновую, но и корпускулярную природу.

В слове «вождь», означающем «ведущего», в свою очередь, мы видим замену Д на Ж. Ж в индоевропейских языках часто меняется на Г, как указывалось выше. Таким образом, можно путем трансформации из слова «вождь» получить слово «бог» без большого ущерба для смысла слова, скорее, слово «бог» становится более ясным и многомерным, особенно в связи с анализом всех вышеназванных корней «бытийного» и «сущностного» плана, тысячелетиями господствующими в религии и философии индоевропейских народов. Конечно, все это этимологические гипотезы, равно как и те, что содержатся в известных этимологических словарях, которые некоторые догматики почему-то путают с собранием абсолютных истин совершенно безосновательно. Даже если эти гипотезы оставить за скобками (хотя они придают теме «воды» более глубокое и широкое звучание), то тема воды у Фалеса все равно достаточно многомерна, чтобы не путать ее с эмпирической водой.

Например, Посейдон, один из трех главных богов-олимпийцев, тесно связан как с водой, так и с конем, в чем, возможно, тоже обнаруживаются следы исторической памяти греков об индоевропейском вторжении⁵. «Ударом своего трезубца Посейдон открыл источник на Афинском Акрополе, а Пегас ударом своего копыта заставил забить источник Гиппокрена на горе Геликон. Названия некоторых других источников, как, например, Аганиппа, также связаны с конем» [18, с. 16]. М. Нильссон напоминает, что духи рек нередко принимают образ коня и в фольклоре других народов, в частности, у шведов и шотландцев. Кроме того, духами воды, а конкретно – горных ручьев, возможно, являлись и кентавры, чье название, согласно этимологии П. Кречмера, может означать «погоняющие воду» [18, с. 17].

В отличие от мужских духов воды, женские духи – нимфы – всегда изображались в человеческом облике, в виде очень красивых девушек, хотя одновременно и очень опасных. Нимфы сопровождают Артемиду, пожалуй, самую популярную эллинскую богиню, которая связана с культом деревьев, с источниками и реками.

Вода у индоевропейцев – не только первооснова мира, но и средство исцеления и очищения от скверны. В одном из первых гимнов «Ри-

---

⁵ Сексуальный аспект образа божества воды как «жеребца-производителя», на который указывает С.С. Аверинцев [1, с. 240], мы в данном случае не берем к рассмотрению как слишком прямолинейный и поверхностный.

гведы», сопровождавшем ритуал жертвоприношения водам и очистительное купание, воды восхваляются как эликсир жизни и чистоты:

*Я призываю божественные воды,
Где пьют наши коровы.
Рекам надо сделать жертвенное возлияние.
В водах – амрита, в водах – целебное средство,
И во славу вод
Будьте мужественны, о боги!
Мне сказал сома, что в водах –
Все целебные средства
И Агни всеблагой
И что воды всеисцеляющи.
О воды, пожертвуйте щедро целебное средство
Как защиту для тела моего,
И чтобы я долго видел солнце!
Унесите прочь, о воды, то,
Что греховно во мне:
Если я обманул
Или если проклял, и (всю) неправду!
(I 23, 18-22) [24, с. 27–28].*

Реки почитались священными у всех индоевропейцев, и у каждой реки был свой бог. Нильссон рассказывает о древнегреческих поверьях и обычаях, связанных с водой: «Армия могла перейти реку только после совершения определенных жертвоприношений, а по предписанию Гесиода никто не должен был переходить реку без предварительной молитвы и омовения рук в ее водах. В славянских мифах существует жесткий запрет на то, чтобы справлять малую нужду в реке. К рекам обращались с мольбой о плодородии, причем не только о плодородии земли, но и о даровании детей. С VI века до Р. Х. распространились имена – производные от названий рек, например: Кефисодот – “дар (реки) Кефис”. А когда юноша обрезал свои длинные волосы, то состриженные волосы он посвящал местной реке» [18, с. 15–16].

У всех индоевропейских народов вода использовалась в ритуалах, связанных с инициацией или с изменением статуса. Взятых в плен женщин омывали в реках своего племени, чтобы сделать своими. С той же целью в воду погружали трофеи, а также священные предметы. Погружением в воду крестил и Иоанн Креститель. На реках совершались бракосочетания, производился межплеменной обмен женщинами. «В Витебской губ., – указывает А.Н. Афанасьев, – есть большое озеро, почитаемое у раскольников священным; холостые парни, похищая девушек, объезжают с ними вокруг озера три раза, и этот обряд считается за действительное вступление в брак. Между чехами сохраняется поверье, что самый верный союз – тот, который заключается над колодцем» [4, с. 571].

На реках давали клятвы и заключали договоры. Сами боги «клялись водой, названной ... Стиксом, ибо наиболее почитаемое – древнейшее, а то, чем клянутся, – наиболее почитаемое» (Met. I 3, 984a) [2, с. 71]. В воде пытались разглядеть будущее (мы говорим: «как в воду смотрел», т. е. предвидел) – это связано с зеркальным свойством воды.

Как указывалось выше, мифологема воды амбивалентна. Вода – это восприимчивое женское начало, но одновременно и плодотворяющее мужское семя. Различали «мужскую» воду (дождь) и «женскую» (воды земных источников). Распространен мотив «живой» и «мертвой» воды, в котором отразилось двойственное отношение к воде, с одной стороны, как к источнику жизни и плодородия, а с другой – как к стихии, грозящей смертью (утопление, всемирный потоп). Русские поговорки гласят: «Где вода, там и беда», «От воды жди беды», «Черт огня боится, а в воде селится». «Входя в воду или набирая ее из источника, люди предпринимали целый ряд предосторожностей: крестились, сохраняли молчание, бросали в В. жертвенные дары, обращались к В. с почтительными приветствиями и т. п. Украинцы Карпат, входя в реку, говорили: “Черт из воды, а я – в воду!”, а после купания: “Я из воды, а черт – в воду!”» [7, с. 81].

Согласно поверью, душа умершего находит свое пристанище в воде: т. о., всю воду, что была на момент смерти кого-либо из домочадцев, использовать запрещалось. «Болгары называли такую В. “мертвой” и спешно выливали из всех сосудов, чтобы никто не смог ее отпить. У сербов спешили вылить на улицу всю В. из тех домов, мимо которых проследовала похоронная процессия. Хранящуюся в доме питьевую В. непременно закрывали на ночь крышками или полотном, иначе – как говорили белорусы – “в нее черти заберутся”» [7, с. 81].

У славян и викингов по реке отправляли в последний путь умерших, разведя на челне погребальный костер. Две стихии, вода и огонь, соединялись и в обряде сжигания чучела Мары-Морены – богини смерти и тьмы, после чего его следовало бросить в воду.

Количество мифов, верований, примет неисчислимо, мы привели лишь некоторые из них. Однако даже из вышесказанного видно, сколь богата смыслами индоевропейская мифологема воды. И если трактовать положение Фалеса о воде как первооснове Всего именно в таком широком контексте, то оно перестает выглядеть наивным и заиграет огромным количеством красок, обнажая новые смыслы, отсылая нас к широчайшему комплексу космогонических, религиозных, социальных представлений наших предков.

В контексте индоевропейских представлений о воде как стихии одушевленной и населенной богами с новой стороны открывается знаменитая максима Фалеса о том, что «все полно богов». Передавая эту мысль Фалеса, Аристотель, по своему обыкновению, истолковывает ее в своих категориях, в частности, привлекая свое вполне специфическое понятие души как энтелехии тела, и деликатно использует фирменное «может

быть»: «Некоторые также утверждают, что душа разлита во всем; быть может, исходя из этого, и Фалес думал, что все полно богов» (De an. I 5, 411a) [3, с. 391].

По-своему, очевидно, понимал тезис Милетца и платоник Плутарх («как, по превосходному предположению Фалеса, душа присутствует во всех важнейших и величайших частях мироздания, то не приходится удивляться, что самые замечательные события совершаются по божьей воле» (Sept. sapient. conv. 163d) [22, с. 261]).

Примечательно, что тезис Фалеса появляется и у других авторов. «Найдется ли человек, который... стал бы отрицать, что “все полно богов”?» – восклицает Афинянин, персонаж «Законов» Платона, не относя данный тезис к какому-либо конкретному мыслителю (899b) [20, с. 360]. Ровно то же утверждение, а именно что «все полно душ и богов», приписывает Гераклиту бытописатель философов Диоген Лаэртский (D. L. IX 7).

Гатри замечает, что «отсюда некоторые полагают, что слова принадлежат к числу тех крылатых выражений, которые обычно приписывают каждому, кто получил известность как мудрец» [8, с. 165]. Вместе с тем данный тезис вовсе не самоочевиден, и его не стоит принимать за пережиток анимизма и наивное непонимание различия между одушевленным и неодушевленным. Скорее, здесь мы встречаемся со специфическим феноменом индоевропейского мышления.

Позднейшие интерпретации тезиса Фалеса снискали ему славу гилозоиста. Он-де, как ребенок, верил в то, что все вокруг живое, доказывая это на примере действия магнита... Само верование, что Фалес был первым наивным материалистом, первым порвал с мифом и сделал решительный шаг «от мифа к логосу», т. е. к материалистической науке, само это верование – донельзя наивно. А вот в контексте огромного комплекса индоевропейских представлений о воде тезис Фалеса получает возможность его расширенного и углубленного толкования.

Список литературы

1. Аверинцев С.С. Вода // Мифы народов мира: Энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. М.: Советская Энциклопедия, 1987. Т. 1. С. 240.
2. Аристотель. Метафизика // Аристотель. Собрание сочинений в 4 т. М.: Мысль, 1976. Т. 1. С. 63–367.
3. Аристотель. О душе // Аристотель. Собрание сочинений в 4 т. М.: Мысль, 1976. Т. 1. С. 369–448.
4. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу // Афанасьев А.Н. Славянская мифология. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2008. С. 15–1352.
5. Беляков А. Слова и вещи. М.: Легейн, 2011. 80 с.
6. Беляков А.В., Матвейчев О.А. Гиперборея: приключения идеи. М.: Книжный мир, 2019. 416 с.
7. Виноградова Л.Н. Вода // Славянская мифология: энциклопедический словарь / отв. ред. С.М. Толстая. М.: Международные отношения, 2019. С. 80–82.

8. Гатри У.К.Ч. История греческой философии: в 6 т. СПб.: Владимир Даль, 2015. Т. 1. Ранние досократики и пифагорейцы. 863 с.
9. Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. СПб.: Наука, 1993. Т. 1. 350 с.
10. Иванов В.В. Чет и Нечет. Асимметрия мозга и знаковых систем. М.: «Советское радио», 1978. 184 с.
11. Иванов В.В., Топоров В.Н. Индоевропейская мифология // Мифы народов мира: Энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. М.: Советская Энциклопедия, 1987. Т. 1. С. 527–533.
12. Книга голубиная 1861 // Калеки переходные. Сборник стихов и исследование П. Безсонова. М.: Тип. А. Семена, 1861. Вып. 2. 526 с.
13. Кузьмина Е.Е. Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света // Средняя Азия в древности и средневековье. М.: Наука, 1977. С. 28–52.
14. Лебедев А.В. Демидур у Фалеса? К реконструкции космогонии Фалеса Милетского // Текст: семантика и структура. М.: Наука, 1983. С. 51–66.
15. Матвейчев О.А. Аким Вольнский, еврейский Аполлон, опередивший время // Вольнский А.Л. Гиперборейский Гимн. М.: Книжный мир, 2022. С. 5–46.
16. Матвейчев О.А. К вопросу об индоевропейской основе ранней греческой философии // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 6. С. 112–126.
17. Матвейчев О.А. К дискуссии о генезисе древнегреческой философии // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2016. Т. 16, Вып. 4. С. 5–16.
18. Нильссон М. Греческая народная религия. М.: Алетейя, 1998. 256 с.
19. Петров С.Ю. Конь, колесо и колесница. Как предки русских создали современный мир. [б.м.] Издательские решения, 2022. 560 с.
20. Платон. Законы // Платон. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Мысль, 1994. Т. 4. С. 71–437.
21. Плутарх. Об Исида и Осирисе // Плутарх. Исида и Осирис. Киев: УЦИММ-ПРЕСС, 1996. С. 5–70.
22. Плутарх. Пир семи мудрецов // Плутарх. Застольные беседы. Л.: Наука, 1990. С. 242–262.
23. Ренан Э. Воспоминания детства и юности // Ренан Э. Собр. соч.: в 12 т. Киев: Изд. Б.К. Фукса, 1902. Т. 10. С. 4–196.
24. Ригведа. Мандалы I–IV. М.: Наука, 1989. 768 с.
25. Ригведа. Мандалы IX–X. М.: Наука, 1999. 560 с.
26. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. I / ред. А.В. Лебедев. М.: Наука, 1989. 576 с.
27. Целлер Э. Очерк истории греческой философии. СПб.: Алетейя, 1996. 296 с.
28. Ямвлих. О Пифагоровой жизни. М.: Алетейя, 2002. 192 с.
29. Anthony D. W. The Horse, the Wheel, and Language: How Bronze-Age Riders from the Eurasian Steppes Shaped the Modern World. Princeton: Princeton University Press, 2007. 553 p.
30. Cornford F. M. From Religion to Philosophy: A Study in the Origins of Western Speculation. N.Y.: Harper Torchbook, 1957. X, 275 p.
31. Feldman A. Thoughts on Thales // The Classical Journal. 1945. Vol. 41 (1). P. 4–6.

32. Librado P. et al. The origins and spread of domestic horses from the Western Eurasian steppes // *Nature*. 2021. Vol. 598. 28 Oct. P. 634–640.
33. Mathieson I. et al. Eight Thousand Years of Natural Selection in Europe // *Biorxiv.org*. The preprint server for biology. 2015. Oct. 10 / URL: <https://www.biorxiv.org/content/10.1101/016477v2.full.pdf>. 46 p.
34. Patzer A. *Der Sophist Hippias als Philosophiehistoriker*. Freiburg; München: Alber, Cop. 1986. 128 S.

WATER AND PEACE. WAS THALES NAIVE?

O.A. Matveychev

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

The famous theory of Thales stating that everything in the world derives from water is known to us through Aristotle, who gave it an interpretation, due to which Miletus appeared to posterity as a rather simple-minded thinker. The author insists that the restoration of the early Greek philosophers' intentions is possible only if their heritage vulgar interpretations, based on an a priori attitude towards the primitivism of the Greeks, are put aside. While speaking about water as a primary element, Thales does not refer to empirical water. The water, as we know it, reflects the essential water, as the physis of everything existing – the internal law, the internal growth, the mechanism for the appearance and deployment of a thing. In the teachings of Thales water is conceptually connected with a whole system of beliefs, signs, and legends, rooted in the ancient Indo-European tradition, whose carriers used the same metaphors (due to the lack of developed philosophical terminology) to explain natural patterns.

Keywords: *history of philosophy, mythology, religion, Arche, mythologeme of water, Ancient Greece, Hyperborea, the Indo-Europeans, Thales.*

Об авторе:

МАТВЕЙЧЕВ Олег Анатольевич – кандидат философских наук, профессор, ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ», г. Москва. E-mail: matveyol@yandex.ru

Author information:

MATVEYCHEV Oleg Anatolyevich – PhD, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow. E-mail: matveyol@yandex.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.01.2023.

Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2023.